

**Карен
АГАМИРЗОВЕВ**

г. Костомукша

Степан Огородников.

Поэтическая душа историка

7 января 2021 г. исполняется 185 лет со дня рождения Степана Федоровича Огородникова (1836–1909) – морского офицера, полковника по Адмиралтейству, широко известного благодаря трудам по отечественной морской истории, истории Архангельского Поморья, гидрометеорологии и освоения Арктики. Его фундаментальный вклад в изучение военно-морской истории России, в составление биографий выдающихся российских моряков, истории и культуры Русского Севера, наблюдения за гидрометеорологией общеизвестны и продолжает изучаться. Архангельская земля гордится знаменитым земляком, потомственным моряком, ученым и страстным патриотом родного края, родившемся в семье флотского офицера 7 января 1836 г. (26 декабря 1835 г.) в селении Соломбала – в Адмиралтейской слободе города Архангельска.

Исследуя историю таможенной службы в Карелии и судьбы дореволюционных беломорских таможенников в Карельском Поморье, я изучил биографии известных деятелей таможенного дела К.Г. Вольхина и его сына К.Г. Вольхина.

Григорий Григорьевич Вольхин был женат на Марии Фёдоровне Огородниковой, происходившей из архангелогородского рода Огородниковых, известного с XVIII века. Участник Крымской

войны, получивший серьезные ранения, Григорий Григорьевич с 1882 г. исполнял должность надзирателя таможенного поста Архангельского таможенного округа в с. Сумский Посад, где и скончался в 1883 г. Его сын Константин Григорьевич Вольхин (1871–1928) с 1890 г. прослужил в портовых таможенных учреждениях в Архангельске, Сумском Посаде, Сороке, Кеми, Керети, Ковде, Умбе. Скончался в Кеми в 1928 г., исполняя обязанности управляющего Кемской портовой таможней.

В 2016 г. мне удалось познакомиться с ныне живущими потомками рода Огородниковых – Вольхиных. Бережно хранится память о прадедах в семье Виктории Курылёвой, правнучки К.Г. Вольхина по линии его дочери Ангелины Константиновны (1908–1992).

В семейном архиве сохранилась старая тетрадь, заполненная четким круглым почерком в дореволюционной орфографии.

Виктория рассказала, что эту тетрадь в 1897 г. заполнял от руки её прадед Константин Григорьевич Вольхин. Являясь просвещённым человеком, К.Г. Вольхин переписывал в тетрадь некоторые стихотворения своего известного дяди – Степана Фёдоровича Огородникова. Виктория любезно согласилась прислать несколько сти-

хотворений, которые ей понравились и представляют интерес для современных почитателей творчества Степана Фёдоровича.

Являясь в прошлом кадровым военно-морским офицером, прослужившем на Северном флоте до пенсии, я с огромным интересом читал имеющиеся в открытом доступе работы по истории Военно-Морского флота, истории Архангельского порта и Соломбальских верфей, биографии выдающихся флотских офицеров, научные статьи по истории и культуре Русского Севера. И для меня было полной неожиданностью открыть для себя ранее неизвестные широкому кругу стихотворения, сочиненные С.Ф. Огородниковым полтора столетия назад.

Большая часть присланных В. Курылёвой стихотворений мне была неизвестна; по крайней мере, в открытом доступе я их не нашел. Известно, что в ГАОО хранится личный архив С.Ф. Огородникова, переданный после смерти его старшей сестрой М.Ф. Волыхиной в Архангельское общество изучения Крайнего Севера.

В печатной статье А.Н. Попова «С.Ф. Огородников. К 80-летию со дня рождения», вышедшей в 1915 г., о творческом наследии С.Ф. Огородникова сообщается: «В особом конверте с собственной надписью С.Ф.: «Литературная деятельность 1863–1909 гг.» хранится, по нашему мнению, наиболее ценный из всего архива, написанный на пишущей машинке, перечень печатных трудов С.Ф. Огородникова с 1863 г. по 1909 г.».

Задумывая написать о поэзии С.Ф. Огородникова, я вдруг понял, что это не столько о поэзии, сколько об истории России, морского флота, о выдающихся моряках, об Архангельске и Соломбале, о культурных традициях Архангельска во второй половине XIX в., о семье и личности самого Степана Фёдоровича.

Стихотворения Степана Фёдоровича являются удивительной колоритной иллюстрацией уклада жизни того времени, в них – портреты людей, оставивших свой глубокий след в истории нашей Родины, в них взгляд изнутри на то время, о котором мы теперь чаще всего узнаем из третьих рук, из исторических исследований в трактовках современных авторов. Именно поэтому эти стихи, эти искренние строки имеют поразительную ценность, дают нам возможность погрузиться в прошлое... Более того, некоторые строки вызывают явные ассоциации и с сегодняшним днем.

Итак, открываем старую тетрадь, от руки заполненную в конце 1890-х гг. канцелярским служащим Архангельской таможни К.Г. Волыхиным, племянником С.Ф. Огородникова.

Рассмотрим первые три стихотворения.

* * *

НА РАЗВАЛИНАХ АРХАНГЕЛЬСКОГО ПОРТА

С. Огородников.

(напечатано в газ. «Новости» – 1883 г. № 81 июня 23 дня)

На мой взгляд, по форме и смыслу – это поэма. Тема отражает весьма значимые события в середине XIX в. в истории Архангельского морского порта и Соломбальских верфей. Об истории порта и Соломбальских судостроительных верфей имеется много публикаций, в т.ч. и самого С.Ф. Огородникова. Например, такие: «Соломбальское селение» (1865 г.), «История Архангельского порта» (1875 г.), «Очерк истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении» (1890 г.), и др.

С конца 1859 г. С.Ф. Огородников с Балтики был направлен для службы на Беломорскую флотилию, в составе которой прослужил вплоть до 1876 г. на различных морских должностях, в т.ч. наблюдателем, а затем начальником метеостанции при Архангельском порте. Проживал в родном селе Соломбале, откуда в 1846 г. десятилетним мальчиком был направлен в г. Кронштадт в первый штурманский полуэкипаж. Где бы ни служил Степан Фёдорович, он всегда помнил о своей родине, его неудержимо тянуло в родную Соломбалу. Итак, вот некоторые характерные фрагменты из того стихотворения:

*Когда легковёрен и молод я был,
В Архангельском порте тогда я служил,
Его упраздненья свидетель живой,
Те дни вспоминаю и ныне порой.
Чтоб в памяти вызвать минувшего тень,
Сложил эту песню про черный тот день.
На севере дальнем, в глухой стороне,
Селенье большое лежит при Двине.
Там верфь опустелая грустно стоит
И много душе о былом говорит.
Пусть прежде работа кипела на ней
И виделась масса рабочих людей,
Тут спуски бывали военных судов,
В течение многих и многих годов.
Теперь все замолкло, равнина одна,
Травую поросшая, только видна.
Да несколько зданий, забытых судьбой,
По берегу Курьи стоят сиротой.*

Судоверфь и порт – это были сердце и кровь Архангельска весь XVIII в. и первую половину XIX в. Когда в силу ряда объективных и субъективных причин было принято государственное решение завершить в Архангельске массовое строительство деревянных военных и торговых судов, оно было воспринято как взрыв в мироустройстве. В Соломбале и в других судоверфях на Двине ситуация стала настоящей катастрофой.

Огородников оказался свидетелем ликвидации порта и Соломбальских верфей. Потрясенный, он пишет поэму «На развалинах Архангельского порта», выплескивая личные эмоции.

Рушилось всё – отлаженное многими десятилетиями масштабное судостроительное производство на севере России, занятость огромных масс трудящихся, налаженный быт корабелов, «сгорали» вложенные капиталы, и государственные, и частные. Для большинства рушился целый мир, как внешний, так и внутренний. Трагедия была одинакова и для чиновников, и для рабочих верфей и их семей, банков и промышленников, вложивших крупные капиталы в судостроение. Для экономики Русского Севера это был огромный удар. Именно поэтому стихотворение пронизано воспоминаниями, ностальгическими чувствами, возмущением, обидами, ощущением огромной беды и массовых трагедий.

Это был эпохальный технологический слом, к сожалению, объективный – мир стал переходить от деревянного парусного судостроения к металлическим торговым судам и броненосцам с паровыми двигателями.

В 1862 г. высочайшим повелением упразднялись Архангельский военный порт и Соломбальская верфь. День закрытия порта и верфи автор называет «черным днем». Перед читателем возникают красочные образные картины – сначала длительного периода процветания селения и Архангельского порта, затем непринятие автором решения о ликвидации верфи, заканчивая эту цепь перечислением трагических последствий.

*Той верфи старинной, где ключ бил живой
Строительной жизни по день роковой,
Той жизни кипучей, столь славной для края,
Пока не подкралась судьбина лихая,
Как сноп не скосила на верфи всего,
Что прочной, здоровою жизнью цвело!
То время я помню, тех дней не забыл,
Когда рок печальный нас всех подкосил,
Когда, повинувась судьбине лихой,
Закрылась верфь, как доской гробовой!*

Огородников негодует по поводу скорости принимаемых решений, быстроты уничтожения или бездумной продажи «задешево» всего созданного за более чем полтора столетия, критикуя архангельских командиров и чиновников, которым было наплевать на судьбы людей, села, государственного имущества и производственных мощностей, лишь бы быстрее доложить об уничтожении упраздненного порта.

*Начальство проникло заботой одной,
Покончить все разом – и с места долой.
Сомнение ль было: кричало – ломать!
Торгаш ли являлся, кричало – продать!
Лишь только б скорее все лишнее с глаз!
А там донести, что исполнен приказ.*

В поэме автору удалось передать не только состояние общей трагедии, но (неожиданно!) и некоторые молчаливые бытовые традиции, которые тоже прекращались для местного населения с упразднением порта и села. Здесь автор выступает не только как поэт, но как все замечаящий историк-летописец, сообщающий читателю черты провинциального северного реализма.

*Заводы и гавань, участки земель,
Что было полезно для верфи, досель
Что ценно все было – то щедрой казной,
Чтоб не гоняться за красной ценой,
Другим учрежденьям на память о ней
Оно уступило как можно скорей!
Селенье, которое с верфью имело
Одно нераздельное общее тело,
Селенье покрылось печалью такой,
Что стон лишь стоял над Двиною-рекой!
Из каждого дома, как в день похорон,
Унылые звуки неслися и стон:
То плакали жены кормильцев мужей,
Прощаясь с привычною жизнью своей;
То плакали девы – красотики села,
Горюя, что радость их жизни прошла.*

В известном историческом очерке «Соломбальское селение» в 1865 г. Огородников пишет о ситуации, в которой оказалось село и жители в результате ликвидации порта и верфей: «Соломбальское селение, как нам известно, обстроилось большею частью мастеровым классом, который, пока не упразднился порт, заботился о благосостоянии своих домов, и вместо приходящих в ветхость воздвигались новые. Тогда и селение глядело весело, и в домах было довольство, и жизнь сказывалась на каждом шагу, но упразднился

порт – и вид селения изменился. Мастеровой люд, бывший хозяевами домов, переведен из Соломбалы в другие места, оставив на место себя одно женское население, которое естественным образом не может, да и не умеет поддержать внешнее благосостояние своих домов, не говоря уже о том, что упразднение порта, лишившее поддержки многих семейств в лице мужского населения, повело за собою новую заботу домохозяев Соломбалы. Земля, на которой раскинулось селение, бывшая до сего времени казенною, поступила теперь в собственность лиц, кои имеют на ней свои недвижимыя имущества. Отсюда – неизбежные налоги: поземельный и квартирныя повинности, усложнили и без того крайне ограниченныя средства большей части соломбальцев. А неумолимое время делает между тем свое дело: дома кривятся, садятся в землю и, будучи без поддержки, клонятся к разрушению». В строках поэмы чувствуется стиль эпохи, совершенно не высокопарные слова о настоящей трагедии, которые невозможно выдумать, если не столкнулся сам, те удивительные обороты речи, которые никогда не встретишь в современной поэзии.

*Да, каждый тогда головою поник,
Увидя, что вот и иссякнул родник,
Закрылся источник, поивший село,
Которым оно красовалось, цвело ...
Нельзя уже будет таскать под полой
Ни медь, ни железо, как прежней порой,
Нельзя уж и домик теперь сколотить,
За все нужно деньги и деньги платить,
А прежде бывало – стекольщик, маляр,
Работник и плотник, печник и столяр,
Свои ведь все люди – готовы лишь вина!
Пенька ведь и гвозди на верфи сполна,
Лишь только с кем следует ладить умей,
И все, что потребно, тащи, не робей!
К рукам приставали и жечь и свинец,
Каната пенькового длинный конец,
Пружинная мебель – гостей принимать,
Посуда из меди – друзей угощать!
Ломилися полки иных кладовых
От краски, железа до свеч восковых!*

Поэма построена в форме монолога на фоне реальных исторических событий. В поэме много образных сравнений и противопоставлений, быстрых переходов от возвышенных воспоминаний и лирических настроев к горькому сарказму, риторических восклицаний, реалистичного описания местных нравов и житейских проявлений.

*И вдруг упраздненье! Еще б слез не лить,
Не плакать селенью и верфь не любить,
Средь этого горя, печали и скуки
Один лишь торгаш потирал себе руки,
Один только он от души ликовал,
Что ловкой покупкой стяжал капитал.*

Степан Федорович, глубоко погруженный в историю села и Адмиралтейской слободки, Соломбальских верфей и полуторавековых соломбальских традиций, остро переживает за судьбу Соломбалы и жителей в связи с ликвидацией порта и судостроительных верфей. Эти трагические изменения в ранее благополучной жизни явились для Степана Федоровича личной драмой, что характеризуют приведенные мной отдельные строки поэмы.

Потомок рода Огородниковых Н. Трофименко в очерке «Долг моей жизни. Степан Федорович Огородников» (из сборника «Ломоносовский венок, 1711 – 1986». – Архангельск: Сев.комсомолец, 1986. – Прим. автора) пишет о том периоде службы, когда с 1860 г. по 1876 г. Огородников стал непосредственным свидетелем «падения» порта и родного села: «В родной город он прибыл «...к последнему акту полуторавековой жизни Архангельского адмиралтейства...» Умом, конечно, он понимал, что существование главного Архангельского порта как порта военного оказалось несоответствующим положению вещей, обременительной статьей для государства, но сердцем никак не мог смириться с падением былой славы, а больше того, с судьбой родного Соломбальского селения, пришедшего в упадок и запустение. Все то, чем он, уроженец Архангельска, всегда гордился, дело всей жизни отца и знаменитых его современников уходило в прошлое, задержавшись пока лишь в памяти людской. Сохранить, сделать эту память материальной – вот что, пожалуй, руководило им в ту пору, незаметно, исподволь превращаясь в истинную страсть, оттеснив даже любовь к рисованию...»

* * *

Памяти Петра Кузьмича ПАХТУСОВА

19 октября 1886 г. С.Ф. Огородников

К.Г. Вольхин переписал в тетрадь известное стихотворение С.Ф. Огородникова, написанное в 1886 г. в связи с открытием в Кронштадте памятника П.К. Пахтусову (1800–1835), знаменитому русскому мореплавателю и гидрографу, исследователю Новой Земли и побережья Северного Ледовитого океана.

Приведем его в сокращении:

*Немало лет прошло с тех пор,
Когда холодная могила,
Судьбы свершая приговор,
Достойный прах от нас сокрыла...*

*Наш Пахтусов, чей скромный лик
Мы созерцаем пред собою,
По силе воли – был велик,
Как подобает быть герою.*

*Одушевляем целью строгой
Науке честно послужить,
Он в край холодный, в край суровый
Успел двукратно переплыть.*

*Туда наш Пахтусов стремился,
Чтоб в бой с природою вступить,
Ни льдов, ни стужи не страшился
– Иль умереть, иль победить!..*

...
*И вот теперь переживаем
Заветной мысли торжество –
Тень Пахтусова мы венчаем!
Увековечен лик его...*

19 октября 1886 г.

С.Ф. Огородников. С.-Петербург

Отважный полярный исследователь П.К. Пахтусов скончался молодым в возрасте 35 лет в 1835 г., и в этом же году родился будущий историк Российского флота и просвещенный публицист С.Ф. Огородников. Что же их связывало, людей разных поколений? Обратимся к биографии П.К. Пахтусова, его экспедициям в Русскую Арктику, попробуем выяснить, как его исследования отразились в творческой деятельности С.Ф. Огородникова.

П.К. Пахтусов в 1820 г. окончил штурманское училище в Кронштадте. В 1820–1832 гг. участвовал в гидрографических работах, проведенных на

р.Печоре, в Баренцевом море, на о-ве Колгуев, в Белом море.

В 1832–1833 гг. возглавлял организованную по его инициативе экспедицию на Новую Землю (на судне «Новая Земля»); описал южное и восточное побережье южнее о-ва Новая Земля.

В 1834–1835 гг. руководил второй экспедицией (на шхуне «Кротов» и карбасе «Казак»), в результате в сложнейших условиях с невероятными усилиями был описан южный берег пролива Маточкин Шар, западный берег до мыса Адмиралтейства, восточный берег острова до о-ва Дальний, о-в Панкратьев и Горбовы о-ва. Пахтусовым закреплены названия около 100 географических объектов на Новой Земле. Именем Пахтусова названы хребет на Шпицбергене, о-ва в Карском море в архипелаге Норденшельда. Жизнь отважного исследователя оказалась короткой. После тяжелой болезни и жизненных испытаний он скончался 7 ноября 1835 г. в Архангельске. Похоронен на Соломбальском кладбище.

Дневники П.К. Пахтусова об экспедициях по освоению Арктики опубликованы в журнале «Записки Гидрографического департамента Морского Министерства» в 1842 и 1844 гг. Дневники отважного мореплавателя с огромным исследовательским интересом («*Читая повесть зимованья...*» – **Прим. автора**) изучал С.Ф. Огородников, в результате чего сделал вывод о необходимости дальнейших исследований влияния арктического климата на здоровье и выживание участников полярных экспедиций.

Одной из основных тяжёлых болезней, преследовавших членов экспедиций П.К. Пахтусова, являлась цинга. Огородников решил обратиться к практическому опыту участника второй экспедиции в 1834–1835 гг. под руководством Пахтусова старшего фельдшера Василия Филипповича Чупова, который, как выяснил Огородников, тоже вёл свой дневник по медицинской и гигиенической части экспедиций.

Участник нескольких полярных экспедиций, Василий Филиппович Чупов в 1840 г. поступил на службу в Архангельскую таможенную, откуда был переведён на таможенную службу на Кольский полуостров. Известно, что в 1856 г. В.Ф. Чупов назначен надзирателем таможенного поста Архангельского таможенного округа в с. Сумской Посад Кемского уезда.

В 1860 г. после увольнения в отставку в чине титулярного советника Чупов вернулся в Архангельск. С семьей он поселился в селении Соломбала, где скончался в 1873 г. Похоронен В.Ф. Чупов на Соломбальском кладбище. Тщательно изучив опубликованные дневники П.К. Пахтусова, а также

дневник наблюдений старшего фельдшера Чупова, осознав бесценный опыт спасения людей и борьбы с цингой в условиях зимовья в Арктике, Огородников решил сделать всё для его изучения научным сообществом. После переговоров он приобрёл дневники В.Ф. Чупова у его семьи за личные средства и опубликовал их.

Из предисловия С.Ф. Огородникова к публикации в Морском сборнике в 1876 г. «Зимовье П.К.Пахтусова на Новой Земле в 1834–1835 гг. по замечаниям участника экспедиции (В.Ф. Чупова)»: «Замечания о происхождении и предотвращения болезненных припадков, веденный г. Чуповым в 1834–35 годах, приобрел я от его родственников и почту себя весьма счастливым, если эти замечания помогут удовлетворить любознательности тех, кто с живейшим интересом следит за нашими полярными плователями, борющимися и ныне с суровой природою, во имя научных или промышленных интересов».

Но вернёмся в Кронштадт на церемонию открытия бронзового памятника П.К. Пахтусову 31 октября 1886 г.

С.Ф. Огородников торжественно прочитал стихотворение «Памяти Петра Кузьмича Пахтусова» перед собравшимися. Его заключительное восьмистишие:

*Спасибо, Пахтусов – герой!
Ты нам урок хороший дал,
Как надо жертвовать собой,
Куда б науки глас ни звал!
Спасибо! Ты и в скромной доле
Свершать мог славные дела
Благодаря железной воле,
За что тебе хвала, хвала!...*

– стало настоящим девизом для будущих исследователей Русского Севера. В ходе приема, последующего за торжественным открытием памятника, каждому присутствующему была подарена 15-страничная брошюра «Памяти Петра Кузьмича ПАХТУСОВА» с биографическим очерком Пахтусова, автором которой являлся С.Ф.Огородников.

Вместе со всеми поколениями русских моряков и я говорю:

– Спасибо Вам, Пахтусов, Чупов и Огородников!

* * *

Стихотворение «На пятидесятилетний юбилей службы его превосходительства Феодосия Федоровича ВЕСЕЛАГО».

Текст стихотворения, напечатанный типографским способом на одном листе, наклеен в тетради К.Г. Вольхина. Судя по внешнему виду, это страница из какого-то печатного издания. В данном очерке приводятся фрагменты из стихотворения. В тексте имеется важная подсказка – полувековой юбилей. Для определения года публикации обратимся к биографиям С.Ф. Огородникова и Ф.Ф. Веселаго. Известно, что в 1876 г. С.Ф. Огородников, служивший начальником метеорологической станции при Архангельском порте, был переведен в Санкт-Петербург, где продолжил службу в учёном отделении Морского технического комитета.

Дальнейшая служебная и научная деятельность С.Ф. Огородникова в Санкт-Петербурге была связана с именем крупного историка русского флота, председателя учёного отделения Морского технического комитета, генерал-лейтенанта Корпуса флотских штурманов и тайного советника Феодосия Фёдоровича Веселаго, крупного историка русского флота. Под руководством Ф.Ф. Веселаго он изучал историю Российского военно-морского флота, составлял биографии выдающихся российских моряков, принимал участие в создании многотомного «Общего морского списка». С участием Огородникова было составлено 12 книг «Общего морского списка» (под ред. Ф.Ф. Веселаго). Группой историков, куда был приглашён Огородников, под руководством Ф.Ф. Веселаго в период с 1875 по 1895 г. издавалось фундаментальное многотомное издание «Материалы для истории Русского флота».

В 1877 г. Ф.Ф. Веселаго отмечал 50-летие служения Отечеству. Именно по поводу этого юбилея С.Ф. Огородников, который к тому времени в Санкт-Петербурге вместе с Ф.Ф. Веселаго занимался изучением истории Военно-морского флота, написал поздравительное стихотворение в его честь. Таким образом, это стихотворение Огородниковым было написано в 1877 г. в Санкт-Петербурге. Именно заслугам Веселаго, как историка русского флота и руководителя, объединившего общей идеей историков, посвятил Сергей Фёдорович строчки стихотворения:

*Кто без различья званий, лет
В одну семью нас всех сплотил,
И этот наш живой букет
Одной идеей оживил.
Средь хора дружеских похвал
К тому, кто с честью полвека
Служебный образ совмещал
С душою светлой человека.*

* * *

В 1886 г., отслужив 40 календарных лет, в пятидесятилетнем возрасте в чине подполковника Корпуса морских штурманов С.Ф. Огородников был уволен в отставку по собственному прошению. Поводом для добровольной отставки из любимого Военно-морского флота послужило приглашение продолжить службу в гражданском чине в комиссии по разбору и описанию дел архива Морского министерства. Приглашение поступило от председателя учёного отделения Морского технического комитета генерал-лейтенанта Корпуса флотских штурманов Ф.Ф. Веселаго, который очень ценил Огородникова, с которым у него сложились уважительные служебные отношения, научное сотрудничество и взаимные теплые чувства.

*Идя ученою тропюю
Меж исторических могил,
Наш юбиляр под сединою
Живую душу сохранил.*

Все 40 лет морской службы С.Ф. Огородников стремился вернуться в родной Архангельск, изучать и увековечивать историю Архангельска и Русского Севера, поселиться в милом сердцу селении Соломбала. И тут такое решение, отдалявшее его от заветной мечты... Как это случилось? Что творилось в его душе в то далекое от нас время?

В 1986 г., через 100 лет после этой важной перемены в жизни Сергея Фёдоровича, потомок рода Огородниковых Н. Трофименко в очерке «Долг моей жизни. Степан Фёдорович Огородников» пытается разобраться, чем были мотивированы его поступки. Приведем очень важный смысловой фрагмент: «Теперь предстояло ответить Маше – сестре, живущей своим домом в Архангельске (*речь идет о Вольхиной Марии Фёдоровне, старшей сестре Степана Фёдоровича. – Прим. автора*). Вместе с поздравлениями к Рождеству надо было сообщить ей о перемене в жизни. Любимая сестра, она была, пожалуй, моральным центром семьи после смерти матери и в свою очередь боготворила брата, приписывая ему всевозможные достоинства и таланты. Чего стоит хотя бы приводящая в восторг племянников легенда о том, что он в юности, не любя закона божьего, записывал молитву каллиграфическим почерком на ногте большого пальца. Или акварельные рисунки – плоды любимого занятия в часы отдыха. Вся гостиная в доме сестры ими увешана.

Степан Федорович отставил поднос, пододвинул стопку чистых листов... «Здравствуй, милая Маша, со всеми чадами и домочадцами! Спешу уведомить, что с переездом, слава богу, обошлось без хлопот и не очень дорого...Теперь о себе. Я, Маша, принял-таки наконец предложение Феодосия Федоровича Веселаго (ты знаешь, что он был моим начальником по гидрографическому ведомству и научному комитету) о сотрудничестве по составлению «Истории русского флота» в комиссии при Морском министерстве.

Условием была моя отставка по корпусу флотских штурманов. Я долго колебался: все-таки в пятьдесят лет менять жизнь страшновато. Но – жребий брошен, предложение принято. В конце концов, чтобы предвидеть будущее и понять настоящее, надо знать прошлое. И кто-то должен этим заниматься, тем более что такая, хоть и поздняя, перемена карьеры в чем-то на руку и мне. Я получил теперь возможность исполнить наконец долг жизни моей – закончить работу над историей Архангельска. «Подвиг сей» требует таких трудов, коих я не мог позволить себе при прежней должности без ущерба для нее...»

Вспомнился недавний разговор с Веселаго. Ученый, историк, генерал, Феодосий Федорович любит повторять своим помощникам: «Мы, господа, прежде всего статистики, фактографы. Точность и точность прежде всего... Философии без нас с вами сюда добавят».

Нет, уважаемый Феодосий Федорович, не точность ради точности, а точность ради знания! Как поразило его, Огородникова, тогда еще начинающего историка, чередование взлетов и падений в истории Архангельского порта. Чем бы ни вызывались они: влиянием ли такой личности, как Петр Первый, экономическими, политическими ли обстоятельствами, – за всем угадывалась какая-то глубинная суть.

Правда, понимать это он начал позднее, а тогда закончил свой труд на самой пессимистической ноте. Сколько городов на Руси, пережив свой расцвет, канули бесследно. И вот теперь, в новой своей работе, он поставил себе цель понять, в чем же причина удивительной живучести города, разменявшего четвертое столетие своей истории. Не в органической ли его необходимости для России?..»

*Итак, поднимемте бокал
В честь прослужившего полвека
И скажем: чтим мы, адмирал,
В Вас светлый образ человека!*

25 января 1894 г. в связи с 70-летним юбилеем служения Отечеству Ф.Ф. Веселаго Степан Фёдорович написал поздравительные стихи, которые начинались так:

*Наукой ум обогащая,
Он доступ всем к себе открыл,
И этим качеством пленяя,
Любовь на деле заслужил.*

Ф.Ф. Веселаго скончался в 1895 г. Находясь в тот момент в Архангельске, Степан Фёдорович с опозданием узнал о кончине дорогого ему человека. Очень расстроился и, не сумев в течение месяца в связи с распутицей своевременно выехать в Санкт-Петербург, 24 ноября 1895 г. в Архангельске написал глубокий по содержанию некролог «Памяти Феодосия Фёдоровича Веселаго» (газ. Кронштадтский вестник, 1895 г., № 156).

С.Ф. Огородников продолжил великую миссию Ф.Ф. Веселаго по изучению истории русского флота. В 1902 г. под редакцией С.Ф. Огородникова был издан 9-й том трудов Комиссии по описанию дел архива Морского министерства за 100 лет его существования, а в 1905 г. издан 10-й том. Два последних тома фундаментального издания «Материалы для истории Русского флота» были опубликованы в 1902 г. (16 т.) и 1904 г. (17 т.), изданы под общей редакцией С.Ф. Огородникова. В 1907 г. был продолжен выпуск «Общего морского списка» (*чинов, начавших службу в царствование Императора Александра II на буквы А, Б, В, Г. – Прим. автора*): 13-я книга была выпущена под редакцией С.Ф. Огородникова.

В 2016 г. на кладбище Воскресенского Новодевичьего монастыря в Санкт-Петербурге торжественно был установлен новый памятник на могиле выдающегося историка русского флота, генерала Корпуса флотских штурманов Феодосия Фёдоровича Веселаго.

Последний штрих. От ветхости нижний край тетради потрескался, и последняя строчка стихотворения «На пятидесятилетний юбилей службы его превосходительства Феодосия Фёдоровича Веселаго» почти не читается. Поэтому К.Г. Вольхин округлым почерком аккуратно дописал на полях последнюю фразу – В Вас светлый образ человека!

Вниманию читателей предлагается следующая подборка из шести разножанровых стихотворений С.Ф. Огородникова. Они существенно отличаются от предыдущих трех произведений – пуб-

личных, тематических, посвящений, исторических. Здесь же присутствует легкая форма иронии, шуточная строгость, инверсия. Надо сказать, что душа историка, исследователя, ученого отчетливо проявилась и в стихотворениях этой подборки. За внешним шутивным фоном читатель видит исторические параллели, черты эпохи, семейные и личные мотивы.

* * *

Стихотворение:
«Альбом. Подражание раёмнику».
1866 г. Из тетради К.Г. Вольхина

С середины XIX в. в России начинает стремительно развиваться искусство фотографии. В Москве и Санкт-Петербурге первые фотографические салоны появились в конце 1840-х гг. Известно, что в губернском Архангельске в 1863 г. работало три фотографических салона – иностранца Франца Шредера и двух учителей – Карла Миллера и Емануила Гильде. В фотографических салонах и в нескольких лавках можно было купить фотографические снимки. Это была дорогая, но желанная возможность запечатлеть момент истории и жизни. Тогда же и появилось ранее неизвестное слово – «Альбом», которое быстро стало модным, а сам альбом стал необходимым атрибутом как большой истории России, так и семейных образов.

Историк С.Ф. Огородников не мог не отметить новую традицию фотографироваться и складывать фотографии в альбомы. Тем более что в родном Соломбальском селении с разрешения губернского Правления 9 июня 1866 г. открылась фотография художника Александра Вьюшина...

Начинается стихотворение шуточно-задорным приглашением к представлению, словно зазывала на ярмарке, сразу обозначая цель и предмет будущего разговора – фотографические портреты в семейных альбомах.

* Примечание: Раёк, раёшный стих (раёмник) – русский народный стих, число слогов в нем и расположение ударений свободно, ритм держится на смежной рифмовке. Раёк – древнейшая форма русского народного свободного стиха (разновидность дисметрического верлибра), определяемого интонационно-фразовым и паузным членением. Раёшный стих требует не только совершенной искренности и раскрепощённости сознания, искромётности мышления, но и глубокого чутья к духу народного языка. Источник: Поэтический словарь. – М.: Луч, 2008.

*Ко мне все сюда,
Честные господа!
Поведу я как раз
О Патретах рассказа,
Да чур смотреть в оба!
Ну, милости прошу,
Грошей ведь не спрошу,
А даром, ей-Богу!
Начинается,
Начинается,
О том, как ныне народ ухитряется,
Патреты свои бережёт
И в книжки такая кладёт,
А книжки у них альбом называется.
И вот извольте посмотреть.*

По традиции того времени семейные альбомы начинались с фотографий самых важных лиц в Российской империи, в основном в парадном одеянии в портретном стиле – императора, императрицы, наследника престола, принцев и принцесс, великих князей и княгинь, патриарха и митрополитов, губернаторов. Вместе со Степаном Фёдоровичем открываем первую страницу альбома.

*Вот это наш Батюшка – сам Царь-Отец,
Он многим Царям образец!
(Александр II. – Прим. автора)
Видно, что Бог его умудрил;
Не мало знатных делов натворил
Для пользы православного люда.
А главное – крепостного мужика освободил,
За что ему и честь, и слава!*

Конечно, Степан Фёдорович отметил главное историческое достижение Александра II – в 1861 г. «крепостного мужика освободил», за что его прозвали Царем-освободителем. Правда, в 1867 г. Александр II продал Аляску за 1 млн долларов, но Степан Фёдорович еще об этом не знал.

Частенько на фотографиях были и домашние животные! Известно несколько фотографий Александра II с собаками. Но самой большой его любовью был ирландский сеттер Милорд.

*А это, извольте видеть – его забава,
Милордом называется
И к хозяину своему ласкается...*

На следующей странице Степан Фёдорович предлагает посмотреть на фотографию наследника престола цесаревича Николая Александровича, скончавшегося в Ницце в 1865 г. в возрасте

22 лет. И посвящает ему свои строки. Целью поездки за границу было знакомство с будущей невестой – дочерью датского короля Христиана IX Марией-Софией-Фредерикой-Дагмар.

*Теперь извольте посмотреть:
Это наследник Царя,
Прекрасен, как заря,
Ему наш Батюшка, Царь-Отец
Готовил скипетр и венец,
Да Бог не дал веку
Такому человеку!
Поехал за море невесту искать, –
А пришлось Богу душу отдать,
Ну и помер в городе Ницце.*

Новая страница альбома. Степан Фёдорович представляет высокое духовное лицо России – Митрополита Московского Филарета (1782–1867). Проповедник веры православной, он действительно венчал на царство Николая I и Александра II. Вот только с возрастом Филарета Степан Фёдорович немного ошибся – в 1866 г. Филарету исполнилось 84 года.

*А вот это на другой странице.
Московский митрополит Филарет,
Ему уже 88 лет.
Двух Царей на Царство венчал
И людские пороки обличал. –
Да, честные господа,
Таких именитых людей мало
Ныне уж в «Расеи» стало!*

А дальше... Дальше снова «А вот ...», и самое интересное. Листает альбом Степан Фёдорович и поочередно, величественно, тепло и шутиливо представляет самых важных особ – «старик славный» Фёдор Тимофеевич Огородников, «с веселым лицом... редкой души человек!»; «...сама, Его благоверная жена» Ульяна Евтропиевна Федорова, «дама добрая, хоть смотрит сурово ...имеет детей много». Правда, неожиданно вновь с юмором – «Муж у ней как сыр в масле катается, Ни во что не мешается...» Степан Фёдорович подчеркивает возраст молодой любимой мамочки – «Не поверишь, что 47 лет! Модный чепчик с султаном одет».

*А вот извольте посмотреть:
На правой стороне сидит –
Этот уж не так именит,*

Да, впрочем, вы видите и сами:
Хотя он с седыми усами,
А на груди у него,
Опричь пряжки, медали – ничего!
Впрочем, старик славный,
(Ф.Т. Огородников. – Прим. автора)

Нес Царскую службу исправно,
Нигде не споткнулся
И до густых аполет дотянулся!
Сидит молодец-молодцом
С веселым лицом.
Дескать, я прожил свой век...
Да, редкой души человек!
А вот сидит и сама,
Его благоверная жена.
(У.Е. Федорова. – Прим. автора)

Позади у ней море волнуется,
Но она, видно, им не любит.ся.
Не поверишь, что 47 лет!
Модный чепчик с султаном одет.
Дама добрая, хоть смотрит сурово.
Имеет детей много.
Муж у ней как сыр в масле катается,
Ни во что не мешается...

Добрались до завершающей фотографии в альбоме. Кто же это?

А вот извольте посмотреть:
Вот это старший ея сынок –
Мужчина ростом невысок,
(С. Ф. Огородников. – Прим. автора)
На взгляд уж больно сердитый,
И подбородок, как видно, не бритый.

И тут же Степан Фёдорович прошелся шутливой поговоркой о своём «происхождении» –

Он по складу ни в мать, ни в отца,
А в проезжаго вышел молодца!

Общий тон стихотворения шуточный. Но шутки непростые, с намеком и возможностью самых смелых выводов. За всей этой ёрнической формой просматривается четкий исторический подход, а Сергей Фёдорович выступает мастером поэтических импровизаций. Всего несколько старых фотографий в семейном альбоме С.Ф.Огородниковых, а сколько образов возникает и историй – государственных и личных! Ссылки на великих и любимых, элементы эпиграммы на самого себя.

В полном тексте стихотворения, кроме высоких персон, упоминаются многие члены семьи Огородниковых. К тому времени уже не было в

живых цесаревича Николая Александровича. Император Александр II погибнет в 1881 г. от бомбы террориста. Московский Митрополит уйдет из жизни в 1867 г. Пройдет время, и уйдут из жизни старшие Огородниковы – Фёдор Тимофеевич и Ульяна Евтропиевна. В 1909 г. скончается С.Ф.Огородников. Остались большие семейства его сестёр. История продолжает свой бег. Потомки рода Огородниковых по женской линии живут и по сей день. Возможно, не все знают друг о друге. Вот тут наверняка Степан Фёдорович остановил бы моё повествование с просьбой перестать грустить, продолжил свой рассказ о персонажах фотографического альбома в шутовском тоне и задался вопросом: «А когда почил сеттер Милорд?»

* * *

Следующее стихотворение С.Ф. Огородникова из тетради К.Г. Вольхина представляет собой замечательный шуточный рапорт, изложенный автором в изящной стихотворной форме.

Рапорт

Писанный и посланный в Лапоминки
в 1863 году Смотрителю Лапоминской
гавани Лейтенанту Тыртову о требующемся
ремонте дежурной комнаты,
через сторожа Фрола.

* * *

Имеем честь Вам объявить
О комнате своей,
Что невозможно печь топить
По множеству щелей.
Когда же ветер хоть слегка
Подует на часок,
Тогда уж прямо с потолка
Здесь сыплется песок!
И даже с полу дует здесь –
Ведь это уж ужасно!
Сего не можем перенести
И объявляем гласно.
Тому свидетелем наш Фрол,
Хотя его спросите.
Избавьте нас от этих зол
И горю пособите.

* * *

Рапорт достиг своей цели.
Скорее всего, проблема, указанная в рапорте и датированная 1863 г., являлась реальной, как и сам

смотритель Лапоминской гавани. Согласно Справочной книжке Архангельской губернии на 1860 г. смотрителем Лапоминской гавани являлся Всеволод Евстигнеевич Тыртов. Тонкий юмор и выразительная приписка в конце стихотворного рапорта сделали своё важное дело. Значит, не зря Огородников сочинял рапорт во время дежурства холодными ночами. Достучался до начальства своими стихами!

* * *

С.Ф. Огородников, переведенный из Кронштадта к новому месту в Архангельск для службы на Беломорской флотилии, не прекращал связи с Кронштадтом. Этому свидетельством присланные им из Архангельска в 1863 г. стихотворные куплеты в качестве ответа на статью мадемуазель Зарубиной, опубликованную в номере 91 в «Кронштадтском вестнике».

Из корреспонденции Кронштадтского вестника 1863 г. №112. Из Архангельска.

*В девяносто первом номере
Есть статья М-те (?)*

*Зарубиной М-те
(Мадемуазельте – разговорное)*

*Просто чудо!
Лето наше ей не нравится,
И о дамах отзывается
Очень худо.
Говорит, что дамы здешние
Приуныли все сердечные
И тоскуют.
Ведь кому мы прежде нравились,
Те отсюда все отправились –
Так воркуют.
Было время, наряжались,
Когда нами восхищались
Как цветочкам!
Ныне просто одеваемся,
Вместо шляпки накрываемся
Уж платочком!
Соломбальское селение
Вид являет запустения –
Жизни мало
С той поры, как порт закрыли наш,
Даже солнце уж не греет нас –
Всё пропало!*

С.Ф. Огородников

Это короткие куплеты шуточно-сентиментального характера о женских настроениях в Соломбале, написанные словно для развлечения. По форме это простые рифмованные трехстишья, эффект кото-

рых достигался короткой интонационной третьей строкой. Шутливая интонация куплетов неожиданно завершается наболевшей для автора темой судьбы Соломбальских верфей и Архангельского порта, которые в 1863 г. находились в острой фазе ликвидации. Очевидно, что тема запустения родного Соломбальского селения не отпускает Сергея Фёдоровича даже в минуты лирического настроения.

* * *

Листается старая тетрадь... Записи беломорского таможенника К.Г. Вольхина в очередной раз преподносят нам сюрприз. Знакомимся с новым стихотворением и с новым эпизодом в жизни Степана Фёдоровича.

Стихотворение:

**«Хождение в Екатерининский Институт
за справками для племянницы
Людмилы Михайловны Эйленгаупт»**
(из письма в Архангельск)

Определенно, это стихотворение было написано для родных и близких, для некоего отчета о «хождении» с целью выяснения важного семейного вопроса.

*Наряжусь молодцом в свой костюм боевой,
Чтоб скорее мне дали ответ:
О племяннице знать хочет дядя родной –
Поступила она или нет?
Если отзыв плохой я в одном получу,
Делать нечего! Ну и пойду...
Впрочем, нет, не пойду, а в другой полечу,
Где авось утешенье найду.
Обещанье свое я, друзья, Вам сдержал,
Но, увы, нет надежды и ждать,
Всех охотниц пятьсот, – секретарь мне сказал. –
А вакансий имеется пять!
И не только у нас, но идите в другой,
Но и там та же самая суть.
Ждут не год и не два, а и больше порой,
Значит, труден у нас этот путь.
Я руками развел, слыша отзыв такой,
Я оставил скорей Институт.
Слава Богу, подумал, что я холостой,
Ведь семейному просто капут!
Ну, конечно, ведь в Павловский я не ходил,
Ибо он уж на той стороне,
Да притом и успеха он мало сулил,
Поленился, простите уж мне.*

С.-Петербург

Известно, что сестра С.Ф. Огородникова – Наталья Федоровна (1848 г.р.) с 1863 г. была замужем за штабс-капитаном Михаилом Станиславовичем Эйленгауптом (1831 г.р.), офицером отдельной Беломорской роты пограничной стражи. М.С. Эйленгаупт известен тем, что в звании прапорщика участвовал в Крымской войне в составе воинской команды Соловецкого монастыря в 1854 г. Семья Эйленгауптов проживала в Архангельске, а затем переехала в столицу.

Одна из дочерей, Людмила Михайловна Эйленгаупт, поступала в Екатерининский институт (*Екатерининский институт благородных девиц в Санкт-Петербурге. – Прим. автора*), дававший по тем временам «приличное дворянскому сословию образование».

В стихотворении, отправленном в Архангельск кому-то из своих сестер, С.Ф. Огородников сообщает эпизод своего посещения Екатерининского института с целью выяснения результатов поступления племянницы Л.М. Эйленгаупт в институт. К сожалению, в данный момент в нашем распоряжении нет достаточных сведений, чтобы датировать стихотворение и описываемые события. Ясно одно – оно написано в Санкт-Петербурге, а значит, все хлопоты Степана Фёдоровича в отношении поступления племянницы были после переезда его самого в Санкт-Петербург, т.е. после 1876 г.

Степан Фёдорович не изменил своей манере информативно, критично и с юмором описывать в стихотворной форме различные житейские эпизоды, в которых всегда имеются реальные исторические персоны. Центральной частью эпизода является стихотворное пояснение учёного секретаря Екатерининского института о большом количестве желающих поступить: «Всех охотниц пятьсот, – секретарь мне сказал. – А вакансий имеется пять!»

Как обычно, в поэзии Огородникова изящная концовка венчает причину непосещения им Павловского института (*Павловский институт благородных девиц в Санкт-Петербурге. – Прим. автора*) – «Поленился, простите уж мне». Ну как тут не улыбнуться получателю такого отчета о «хождении»?

* * *

Одним из завершающих этот цикл коротких ироничных стихотворений в тетради К.Г. Вольхина представлено стихотворение о прощении некой дамы Пелагеи Ньюзаловой.

Стихотворение: «Прозект слезнаго прошения к

присяжному поверенному Герарду вдовы учителя губернской гимназии Пелагеи Ньюзаловой»

*Милостливый Государь
Иван Николаевич!
Правосудия блюститель
И всех бедных покровитель –
Помогите, умоляю,
Я в нужде изнемогаю!
И отрады никакой
Не имею, добрый мой!
Хоть стыжусь, что беспокою
Я Вас просьбою такою,
Но свидетель Бог! не лгу,
Что живу в сыром углу,
Сухой коркою питаюсь
И слезами обливаюсь ...
Прошу Вас, не откажите,
Вдове бедной помогите
И подайте на хлеб ей
Хотя три иль пять рублей.*

С.-Петербург

Известно, что в 1866 г. в Санкт-Петербурге работал Владимир Николаевич Герард (1839–1903), авторитетный присяжный поверенный при окружной Петербургской судебной палате, член Петербургского окружного суда, основатель и многолетний руководитель общества защиты детей от жестокого обращения, надворный советник. В стихотворении автор, следуя принятому ироническому «прозекта слезнаго прошения» именуется Иваном Николаевичем, однако нет никаких сомнений, что Степаном Фёдоровичем имелся в виду именно Владимир Николаевич Герард.

По крайней мере, Ивана Николаевича Герарда среди присяжных поверенных Санкт-Петербурга в тот период не было. Насколько реален образ вдовы Пелагеи Ньюзаловой, неизвестно. Понимая стиль творчества С.Ф. Огородникова, можно с уверенностью предположить, что, скорее всего, автор был свидетелем самого «прозекта слезнаго прошения» или ему стало достоверно известно о таком «прошении» от самого Герарда, что и стало поводом для создания иронического прошения в стихотворной форме.

* * *

В тетради К.Г. Вольхина имеется стихотворение С.Ф. Огородникова «Театральные воспоминания», открывающее новые грани семейных и культурных традиций семьи Огородниковых. Сти-

хотворение написано в Соломбале в период 1868–1871 гг. Из стихотворения мы узнаем о коллективном семейном творчестве – постановке домашних спектаклей. Вот только некоторые фрагменты:

*Расскажу вам, друзья,
Про минувшее я,
Как с сестрой мы на сцене играли.
Наш театр небольшой
Мы любили душой
И как время летело – не знали!*

Стихотворение представлено в жанре шестистишия, состоящее из двух связанных последовательных трехстиший. Каждое трехстишие представляет собой одну достаточно ёмкую прозаическую фразу. Завершающий смысловой акцент содержится в третьей строке, всегда удлиненной, в то время как первые две строки короткие и информативные. Третьи строки выполняют важнейшую функцию создания общего ритма как каждого шестистишия, так и всего стихотворения. Автор свободно использует эту динамичную форму на всем протяжении стихотворения.

Огородников рассказывает о семейной традиции ставить домашние спектакли. По всей видимости, режиссёрство среди членов семьи было коллективным, т.к. «писать роли свои принимались» после предварительного чтения пьесы и «разбора» персонажей. В строках стихотворения чувствуется, что домашнее театральное творчество увлекло многих членов большой семьи Огородниковых.

*И шутя, и смеясь,
Потом все разойдётся,
Писать роли свои принимались.
И искусство любя,
Не щадили себя
Изученьем ролей заниматься.*

Ставить домашние спектакли было культурной традицией губернского Архангельска на рубеже 1870-х гг. Автор тепло и проникновенно сообщает о семейной традиции репетиций домашних спектаклей, которые проходили в кругу большой семьи Огородниковых.

*Перед сценою в ряд
Все свои лишь сидят,
Со вниманьем следя за игрою.
Чтоб одних ободрить,
Чтоб других поучить,
А иных поощрить похвалою!*

*Между тем дни бегут,
Дни хлопот всё растут,
День спектакля объявлен публично!
Наступала пора
Об костюмах с утра
Хлопотать, чтоб явиться прилично.*

Автор создает живые картинки-эпизоды творческой атмосферы семейных репетиций. Из стихотворных строк мы всё больше узнаем о характере и привычках самого С.Ф. Огородникова, семейных традициях, дружеском отношении к окружающим и ярком юморе автора. Репетиции домашних спектаклей у Огородниковых проходили весело, с шутками и с «душой».

*Сколько смеху подчас
Дома было у нас,
Как узнают состав гардероба!
Нужен фрак мне до пят,
Той старуший наряд:
Мы в комичных ролях были оба.*

От ироничных и легких сообщений о репетициях и коллективном творчестве Степан Фёдорович готовит читателя к ответственному и трепетному моменту – началу спектакля и выходу артистов на сцену.

*Вот оркестр заиграл, –
И наполнился зал,
Смотрим в занавес – дрожь пробирает.
То и дело порой
На костюм взглянешь свой,
Колокольчик звучать начинает.*

Особенно тепло, с любовью и восхищением звучат слова автора о сестре, постоянной партнерше в домашних спектаклях. Речь идет о Марии Фёдоровне Вольхиной (Огородниковой), которая всегда выступала объединяющим центром семьи Огородниковых. Вот реакция автора и зрителей от выхода её на театральную сцену:

*Голос, поступь, наряд
Все сердца шевелят,
Все таланту артистки дивятся.
В восхищеньи от ней
Аплодируют ей,
И начнет вся толпа оживляться.*

Юмор самого С.Ф. был, как всегда, узнаваем.

*А там вскоре за ней
Вхожу я из дверей,
Как хозяин, со сценой привычный.
И лишь только войду,
Речь свою поведу, –
Раздается взрыв смеха обычный.*

Домашние спектакли сплавляли семью, наполняя зимние будни радостью совместного творчества и единения. И брат, и сестра взаимно дополняли друг друга на сцене.

*Так мы зимней порой
Все спектакли с сестрой
Награждаемы публикой были.
Даже были те дни,
Что с сестрою одной
На плечах весь спектакль выносили.*

И не только на сцене, но и в жизни Степан Фёдорович и Мария Фёдоровна были очень дружны и заботливы.

* * *

Закрывается старая тетрадь известного карельского таможенника К.Г. Вольхина, племянника выдающегося историка Русского флота Степана Фёдоровича Огородникова.

Мы познакомились с девятью совершенно разны-

ми стихотворениями как по тематике, так и по форме стихосложения. Поэтические строки известного выходца из земли архангельской дали возможность заглянуть вглубь великой истории России, Русского флота, Русского Севера, выдающихся людей, которыми гордятся все поколения русских моряков, с одной стороны, и рассмотреть характерные черты эпохи и культурные традиции Русского Севера во второй половине XIX в.

С.Ф. Огородников скончался 1 июля 1909 г. на своей родине в Архангельске в доме сестры М.Ф. Вольхиной. Похоронен на Соломбальском кладбище, где расположены захоронения других великих сынов севера – гидрографа П.К. Пахтусова, фельдшера полярных экспедиций В.Ф. Чупова, кораблестроителя Ф.Т. Загуляева, корабельного мастера А.М. Курочкина и многих других известных выходцев из земли архангельской, описанию достижений которых С.Ф. Огородников посвятил немалую часть своих произведений.

Давно закончилась жизнь великого гражданина России Степана Фёдоровича Огородникова, но история России продолжается, в том числе благодаря таким людям.

Карен Михайлович АГАМИРЗОЕВ

Писатель.

Член Международного союза писателей «Новый современник».

В прошлом – кадровый военно-морской офицер (Северный флот),

сотрудник таможенных органов Карелии.

Краевед, исследователь истории таможенной службы.

Автор книг, брошюр, научных и краеведческих статей.

Координатор поискового отряда «Стерх» (г. Костомукша)

КРОО «Союз поисковых отрядов Карелии».

